

КОНТРОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТЬЮ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Круглый стол "ЧТО МОГУТ СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В БОРЬБЕ ЗА ИНФОРМАЦИОННУЮ ОТКРЫТОСТЬ ВЛАСТИ"

Виктор Терешкин,
независимый журналист
(г. Санкт-Петербург)

Журналист и власть в экологическом интерьере

Сначала несколько слов о себе. С 1988 года я занимаюсь экологической журналистикой. Осенью 1995 года мы в Петербурге создали Ассоциацию экологических журналистов Петербурга и очень вовремя, потому что как раз в это время – 5 октября – ИТАР–ТАСС на всю страну сообщил о том, что против русских сотрудников "Беллуны" возбуждено уголовное дело по 75 статье. И когда 6 февраля 1996 года арестовали Александра Никитина, наша Ассоциация уже 8 февраля организовала пресс–конференцию, после которой мир узнал о том, что в России арестован эколог, арестован за свои убеждения, обвинен в совершении тягчайшего преступления. История с арестом Никитина показала, кто есть кто в журналистском корпусе Петербурга и не только Петербурга.

Когда я только организовывал эту пресс–конференцию, все мои коллеги, с которыми я когда–то в 1989 году начинал делать газету "Час пик", в которой тогда работал, все "старопечатники", как мы называли себя, те, с кем я пел одни и те же песни, верил в одни и те же идеалы, обступили меня, как волка, и кричали мне в лицо: "Твой Никитин – шпион, "Беллуна" – это шпионская организация, и ты тоже пойдешь туда же!". Вот это для меня было страшно. Одно дело сотрудники ГБ, которые могут войти, арестовать, увести. Но когда твои товарищи, которые с тобой вчера пели Окуджаву, а сегодня кричат в лицо – шпион. Ты им говоришь: а как же 37–ой год, а как же Архипелаг ГУЛАГ? А они тебе говорят – это все фигня, а вот Никитин – шпион. Вот это был самый страшный момент в этой истории.

После того, как я ушел из газеты "Час пик" (как только узнал, что г–жа Чаплина, с которой мы делали эту газету, вышла замуж за начальника УФСБ тов. Черкесова), я попал в газету "Московские новости", из которой меня тоже выгнали за дело Никитина. Я послал подряд шесть материалов по делу Никитина, их не опубликовали, а когда Шмидт заявил об этом на пресс–конференции, мне сказали: "Вы у нас больше не работаете. Как Вы посмели г–ну Шмидту показывать эти материалы?".

Потом я нашел работу в "Вечернем Петербурге", но когда редактор газеты Гронский нагло выбросил из номера материал о том, что Александру Никитину дали в США экологическую премию им. Голдмана, я встал на летучке и сказал: "Две газеты этого города не опубликовали этот материал, в "Часе пик" г–жа Черкесова его не опубликовала и г–н Гронский в "Вечернем Петербурге", поэтому, дорогие коллеги, сделайте вывод, на кого работает г–н Гронский".

И я опять думал, что я положу заявление, а вслед за мной встанут другие и тоже положат заявления, но вслед за мной положила заявление только г–жа Артемова.

Три с половиной месяца я был без работы. Сейчас работаю в "желтой" газете "Петербург–Экспресс".

Расклад сил в Петербурге сейчас такой: "Информ–ТВ" – совершенно про–эф–эс–бэшная программа. "Телевизионная служба безопасности" – еще одна программа, которая льет на Александра Никитина потоки дезинформации. Сама аббревиатура – ТСБ – говорит о том, что это за контора. Газета "Санкт–петербургские ведомости" – там служил бывший сотрудник АПН г–н Ненашев, который регулярно лил на головы читателей дезу, которой его снабжали на Литейном, 4. В газете "Невское время" пока были журналисты хорошие, они писали об этом деле, как только они ушли из "Невского времени", газета набрала в рот воды. В корпункте "Российского радио" есть несколько человек, которые дают объективную информацию о деле Никитина. "Петербургское радио" напрочь ничего о деле не передает, а если передает, то это только какая–то короткая текстовка из ФСБ.

Теперь перейду к самому городу Петербургу с тем, чтобы было понятно, как там власти реагируют на выступления экологических журналистов. Санкт–Петербург – это родина нашей советской радиохимии, нашей советской ядерной энергетики, родина нашего военного атома. Все эти пестовавшиеся нашей властью младенцы гадили прямо в колыбель, выливали ядерные помои в Неву, в канализацию, закапывали на территории институтов, просто вывозили на свалки. На месте этих свалок сейчас стоят новые жилые кварталы.

В городе 1380 очагов радиоактивной грязи, а вывезти один кубометр радиоактивной земли в Сосновый Бор стоит 4000 рублей. Чтобы все очистить, нужны миллионы рублей. У города нет таких денег. Военные ведомства никак в этом не участвуют.

Вот самый свежий пример. Я раскопал историю о том, что в нашем Петербургском университете вели работы по созданию "ядерного щита Родины". Есть радиоактивный могильник, который закладывали в 50–ые годы. В 1965 году с ним кончили работать и – забыли. В страшном сне не могло присниться, что в 15 метрах от станции подкачки воды на весь Васильевский остров существует забытый радиоактивный могильник.

Я написал об этом, стал вести журналистское расследование, добиваться того, чтобы выделили деньги на ликвидацию могильника. Там сейчас начались работы, вскрыли бетонные колодцы, а в металлических ящиках с отходами стоит грунтовая вода. Теперь надо решать задачу, как отделить жидкие радиоактивные отходы от твердых. Мало того, четыре бетонных колодца нашли, а еще четыре найти не могут. Когда я уезжал на нашу конференцию, мне сообщили, что нашли просто яму, в которой лежат проржавевшие металлические ящики, и когда ликвидаторы их попытались поднять, из ящичков посыпались эти самые радиоактивные отходы – активность 17 тысяч микрорентген. Санитарная норма – 30 микрорентген.

С 1992 года я веду до сих пор не законченное расследование о так называемых боевых радиоактивных веществах. Секретная лаборатория, где с ними работали, располагалась на Васильевском острове, на улице Шкиперский проток. Это в километре от гостиница "Прибалтийская".

Несколько слов о том, что такое боевые радиоактивные вещества (БРВ). Так как обогащенного плутония, урана у страны Советов после войны было мало, то родилась такая идея: разрезать тепловыделяющие элементы из первой советской атомной станции в Обнинске, переводить все эти твердые радиоактивные отходы, где 430 радионуклидов, в жидкость и поливать этой "отравой" живую силу противника. Либо доставлять эти емкости самолетами, ракетами, а потом подрывать, чтобы создавались аэрозоли.

Расчет был простой – после такой "санобработки" живая сила противника начнет от переоблучения блевать, стрелять не сможет.

И никому в голову не приходило, что в этих растворах тот же плутоний–239, у которого период полураспада 240 тысяч лет, то есть на ближайшие 240 тысяч лет эти территории будут опасны для всего живого. Их нельзя будет оккупировать! Да вдобавок выяснилось, что живая сила противника не так уж быстро будет погибать от лучевого поражения. Это была тупиковая ветвь, и эти работы были прекращены. Но так как ученые активно использовали в опытах собак, морских свинок, кроликов, которых закапывали на этой территории, а растворы выливали прямо в спецканализацию и бетонные емкости, а то и просто в выкопанные ямы, то вся территория оказалась пропитанной радионуклидами.

В 1992 году ко мне пришел офицер запаса ВМФ и рассказал об этой спецлаборатории. Я его спросил: "А вы не боитесь КГБ?". Он ответил: "Нет, не боюсь, Комитет уже не тот". Я взял дозиметр и радиометр, потому что он меня предупредил, что там не только гамма–излучение, но и бета–активность, поскольку там основной радионуклид – стронций–90, а это мощный бета–излучатель, и обычным дозиметром его не засечь. Когда я туда пришел, увидел именно то, что он мне описывал. Дырявый забор, пацаны играют в войну, я подношу прибор к рукам, брюкам – везде радиоактивная грязь.

Захожу в какой–то заброшенный домик, там емкости в полу, меряю – 3 тысячи микрорентген и 50 тысяч бета–частиц. Радиоактивны тополя, "светят" все кусты, растущие на этой земле. ВМФ ушел с этой территории, бросив всю проблему на плечи городу. Городское Правительство затратило несколько сот миллионов рублей, чтобы просто снести эти лаборатории. Деньги на этом кончились, но из этого страшного, отравленного места радионуклиды продолжают с грунтовыми водами распространяться во все стороны. Они уже давно проникли в ковш Галерной гавани. Недавно я там был – купаются пацаны, ловят рыбу. А значит – облучаются, приносят радиоактивную грязь домой.

И надо об этом писать, надо требовать окончательной дезактивации. А я знаю, что мне будут отвечать городские начальники: "У нас нет денег, в городской казне деньги кончились".

Военным мало было того, что они работали с БРВ на Шкиперском протоке в центре города. У них была испытательная база на берегу Финского залива, в 150 м от Финского залива, так называемая Приветня. Я лазал туда через забор, к счастью, часовые меня не заметили. Там из земли прет та же бета–активность, там радиоактивные грибы, кусты, деревья. Какие–то колодцы, могильники бетонные. Кроме этой секретной базы у поселка Приветнинское, военные ученые испытывали боевые радиоактивные вещества на острове Коневец, и там же они работали с химическим оружием. А взрывали они заряды БРВ на островах выше Приозерска. И я по этому поводу писал, что какого же могучего интеллекта были люди, если пили воду из Невы, а она течет из Ладоги, и они там же взрывали боевые радиоактивные вещества и там же испытывали химическое оружие. Острова, на которых производились эти работы сейчас под юрисдикцией военных.

Несколько слов по поводу действенности наших выступлений. Иногда приходится идти на прямой шантаж. Вот опишу, как я шантажировал государственного чиновника. Мне сообщили о том, что в четырех домах на улице Швецова в 87 квартирах радиоактивное загрязнение. Сначала нашли радиоактивную грязь во дворе этих домов. В детской песочнице было 10 тысяч микрорентген. То есть все дети, которые играли в этот песочек, облучались. И когда убрали оттуда радиоактивную грязь, одна беременная женщина попросила дозиметристов замерить у нее квартиру. Замерили. Оказалось, что в ее квартире тоже есть участки пола, из которых идет по полторы тысячи микрорентген. Вот так и были обнаружены 87 "светящихся" квартир.

Я написал о том, что в городе радиоактивное ЧП, что этих квартир, возможно, больше, что нужно проводить обследование, нужно проводить дезактивацию, почему бездействует городская чрезвычайная комиссия? А в ответ – тишина. Узнаю, что нужна подпись врача отдела радиационной гигиены Городского центра санэпиднадзора Валерия Ароновича Ямсона. Я его знаю с 1989 года. Оказывается, что он не ставит подпись потому, что "грязь" в этих квартирах расположена именно пятнами. Вот была бы она равномерно размазана под полом, как масло на бутерброде, и дозиметр в центре комнаты показывал бы превышение над естественным гамма-фоном в 60 микрорентген, тогда бы он сразу поставил подпись. Опираясь на букву правил.

И я начинаю доказывать санитарному врачу, что в этих радиоактивных квартирах есть дети ползункового возраста. И они садятся попками на эти радиоактивные пятна и облучаются. А через 18–20 лет не смогут иметь детей. Кто за это ответит? Он упирается – не подпишу. И тут я понимаю, что он, возможно, получил здесь квартиру. И начинаю угрожать – если не подпишешь, я опубликую, что ты с этого района квартиру получил. Через неделю подпись стояла, началась дезактивация. И 48 квартир там сейчас дезактивированы.

Почему там оказалась эта радиация? Как всегда, виноваты военные. У нас ведь так: след радиоактивный, идешь по этому радиоактивному следу – забор, звезда, стой, стреляют.

Там рядом военный завод московского подчинения, на котором делали приборы со светосоставом постоянного действия, так называемые СПД на основе солей радия–226. Период полураспада 1620 лет. Бракованные шкалы жгли в котельной, а шлаком подсыпали сначала двор на заводе, потом двор в домах, а потом чья–то умная голова решила этот шлак сыпать в междуэтажные перекрытия. И я задавал вопрос городским властям: "Ну, хорошо, вы дезактивировали эти 48 квартир, но ведь этот шлак могли увозить в какие–то другие дома. Давайте их обследовать. По крайней мере в радиусе 5 км".

В ответ – полная тишина. Потому что нет денег на то, чтобы закончить дезактивацию в этих четырех. А ну как обнаружатся еще такие же домики, а в них сотни таких же квартир с радиоактивным шлаком под полом?

Еще одна история. 5 октября прошлого года наш новый губернатор, который до этого курировал вопросы экологии, собирает мэров городов вокруг Балтийского моря и рассказывает им о том, какая райская жизнь у нас в городе, сюда нужны инвестиции. Они сидят – кивают. А я большой любитель бросить дохлого кота в кастрюлю с борщом. Встаю и говорю: "Как же так, г–н губернатор, Вы приглашаете инвесторов в город, который буквально заминирован. Хороший хозяин не приглашает гостей в дом, где под каждым креслом по противотанковой мине. Вокруг города 60 тысяч тонн устаревших боеприпасов – это только у военных моряков. А сколько у сухопутчиков, а сколько у ПВО, а сколько у пограничников. В Кронштадте мины лежат с 1905 года, в каком они виде – вообще никто не знает, потому что их задвинули в дальние углы зенитными ракетами образца 1962 года. И надо весь этот смертельно опасный хлам утилизировать, а уж потом звать гостей".

А он мне в ответ говорит: "Вы, товарищ Терешкин, некомпетентный журналист, потому что самая главная опасность – это химическое оружие, которое гниет на складах вокруг города, и в любой момент оно может протянуть щупальца смерти ко всем мирным жителям". Вот тут уже я упал на стул, потому что знал – Россия на международном уровне уже 4 года заявляет, что все ее химическое оружие – 40 тысяч тонн – находится в Камбарке, Щучьем и на других базах, обозначенных в международных документах.

Естественно, наша газета послала запрос командующему военным округом. Военные для начала запрос потеряли, потом все–таки ответили – читайте пункты 1 и 2 Постановления Госдумы от такого–то числа.

Я послал запрос губернатору – ответа нет. Послал запрос в Комитет по внешним связям, потому что они проводили эту международную конференцию – ответа нет. Я послал запрос в Москву – ответа нет. Вот я в полном недоумении нахожусь: так есть химическое оружие вокруг Петербурга или его нет? Внутренний голос подсказывает, что есть, что оно было затоплено на территории Большеижорского арсенала, где лежат тысячи тонн якорных мин, снарядов и бомб, ракет и т.д., что оно лежит на дне Финского залива – на то есть косвенные свидетельства. Я знаю место, где его подрывали, уничтожали методом подрыва, сейчас на этом месте садоводство "Энергетик" Ленинградской атомной станции. А после этих подрывов люди стали в деревне Ракопежи умирать (их накрывало выбросами).

Несколько слов о Ленинградской атомной станции. То, что там четыре реактора РБМК–1000, вы все знаете. Но о том, что хранилище для отработанного топлива течет, потрескалось и может в любой момент рухнуть, и это будет радиационная катастрофа, потому что все пойдет в Финский залив, вы не знаете. О том, что там, на территории этого самого Соснового Бора, работают три реактора от подводных атомных лодок, и моряки гоняют их в режимах килевой и бортовой качки, вы не знаете. Там же, на территории Соснового Бора, есть на 99% переполненный спецкомбинат "Радон", где хранятся радиоактивные отходы. В этом же районе Правительство России собирается создать региональный мусорный полигон для всего Северо–Запада. Узнав об этих замыслах, "зеленые" Финляндии нам сказали: "Как только построят этот новый региональный мусорный полигон, завтра же Германия, которая пытается захоронить свои отходы в пустыне Гоби, ночью привезет туда контейнеры. И ни один экологический журналист об этом не узнает". И именно в Сосновом Бору сейчас начали строить новый реактор ВВР–640.

В 1975 году на первом блоке ЛАЭС была авария, самая крупная за историю атомной станции. После чернобыльской катастрофы в июле 1986 года состоялось секретное заседание Политбюро, и директор Чернобыльской атомной станции Брюханов сказал Горбачеву: "Если бы мы знали о том, что на Сосновоборской атомной станции была подобная авария, то мы бы хоть смогли принять какие–то решения, но даже от нас ее засекретили".

В 1975 году на первом блоке произошла разгерметизация – это локальный "козел", перегрев топлива. И они продули все реакторное пространство аварийным запасом азота. В воздух было выброшено, по оценкам Григория Устиновича Медведева, специалиста, который тогда работал в Минатоме, 1,5 миллиона кюри активности, и часть этих радионуклидов выпала на тогдашний Ленинград. И врачи–генетики города заметили резкий скачок генетических заболеваний у детей. Они долго не знали почему, с чем связан этот скачок. И только когда в 1989 году вышла книжка воспоминаний Медведева "Чернобыльская тетрадь", они поняли, что произошло, и стали посылать запросы на атомную станцию. Ответ получили уклончивый. И вот с 1989 года я пишу об этой аварии и требую: выдайте нам информацию, выдайте нам информацию. В ответ – тишина. Мы решили подавать в суд на директора атомной станции, и, надеюсь, с помощью "Гражданского контроля" мы этот процесс выиграем.